

СЕРГЕЙ БАЕВ

Театр теней

РОМАН

Сергей Баев

Театр теней. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26712878

ISBN 9785448580154

Аннотация

Герой книги, он же автор, отправляется расследовать запутанные и мистические совпадения, которые происходят с одной из читательниц его рассказов. Похоже на то, что выдуманные им сюжеты воплощаются в жизнь!.. В результате писатель сам оказывается втянутым в колесо внешне противоречивых, а внутренне очень последовательных и невероятных событий. Тучи сгущаются, герою грозит смертельная опасность. Но почему? Кому перешел дорогу Сергей Баев, этот талантливый и известный литератор?

Содержание

Пролог	5
Параграф 1. Рита Блумберг	9
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Театр теней

Роман

Сергей Баев

© Сергей Баев, 2017

ISBN 978-5-4485-8015-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор несёт ответственность за все материалы, использованные в данном произведении. Любое совпадение имён и фактов считать вымыслом автора.

Книга посвящена моим родителям: Баевой Марии Михайловне и Баеву Юрию Григорьевичу.

Пролог

...Мне часто задают вопросы: «Как вы пишете свои романы? Откуда берёте персонажей? Как возникают сюжеты?»

...Люди, оглянитесь вокруг, остановитесь на бегу, задумайтесь о смысле жизни. Ведь смысл жизни не в деньгах, не в детях, не в новом доме. Смысл жизни – в самой жизни! Поэтому мои персонажи – это мои близкие, мои родственники, мои одноклассники, мои друзья, друзья моих друзей; короче – окружающий социум.

...Когда я утверждаю, что персонажи – вокруг нас, то имею в виду всех людей, проходящих и находящихся рядом со мной.

...Я всех люблю и считаю, что хороших людей больше, чем плохих, но окружающая нас действительность говорит об обратном...

Нет необходимости придумывать отрицательных или положительных героев, достаточно только внимательно посмотреть вокруг. По жестам, по телосложению, по лицу о каждом человеке можно сказать почти всё: каков его характер? каково его мировоззрение? каков его внутренний мир? Короче говоря, каждый находится «под микроскопом». Надо наблюдать, анализировать и делать выводы.

...Вот мимо меня степенно прошла женщина, немного сутулая; как говорят в народе – с горбом. Что можно сказать о ней?

Во-первых, она очень любит давать советы своим подругам, родственникам, знакомым. Она «проживает» чужие жизни, берёт на себя чужие проблемы и пытается их решать, – отсюда груз на спине (горб).

Во-вторых, смыслом жизни для себя она считает заботу о других. Однако помогать, заботиться надо тогда, когда тебя об этом просят, ведь навязанная помощь – унижает. Но чтобы выглядеть доброй, заботливой, хорошей в глазах окружающих, эта женщина помогает всем – отсюда горб.

Можно анализировать и написать, что в-третьих, в-четвёртых, но это не входит в мои планы. Что самое интересное? Если эта женщина не поймёт всю нелепость своего отношения к окружающим, то так и будет до конца дней своих таскать «горб» на спине, и никакие физиотерапевтические процедуры не помогут.

...А вот мимо почти пробежал молодой интеллигентный парень. Его стройная, подтянутая фигура говорит о том, что он занимается спортом, не злоупотребляет спиртным, не курит. Однако сросшиеся брови дают понять, что он постоянно в каких-то внутренних проблемах, совершенно не умеет расслабляться и всё держит в себе.

Смотрю вокруг... Встретились два друга. Здравуются, протягивая друг другу руки. Замечаю, что один из них держит правую руку ладонью вниз. Вывод: этот мужчина – давила по жизни, привыкший подчинять всех своему влиянию. Такой персонаж вполне может стать отрицательным героем, ведь нормальному человеку не надо никого покорять и унижать.

...Любой писатель – всегда хороший наблюдатель, неплохой психолог, умеющий интерпретировать окружающих, человек с огромным жизненным опытом. Этих качеств вполне достаточно любому, чтобы писать романы, рассказы, повести...

...Я внимательно наблюдаю за людьми, не забываю о своих прожитых ощущениях, держу в памяти сюжет будущего произведения и «приглашаю» того или иного прошедшего мимо человека в персонажи моих книг...

...Теперь о совпадениях, о мистических случайностях, о Судьбе. Я не верю в случайности и считаю, что любая случайность – это подсознательная закономерность. Если кто-то не согласен, то это от лукавого. Что касается Судьбы, то каждый свою судьбу делает сам: своими мыслями, желаниями и поступками. ...Кто-то тут же возразит, что от судьбы не уйдёшь. Правильно! От своих мыслей, своих тараканов

в голове, от своего врождённого темперамента, от своих действий не уйдёшь. Но при чём тогда Судьба?

Каждый из нас программирует себя сам: кто-то на положительного героя, кто-то – на отрицательного, кто-то просто плывёт по течению.

А в это время мимо идёт писатель (а может быть, он живёт рядом) и «срисовывает» вас, как художник, пишущий натурщика...

Параграф 1. Рита Блюмберг

...Слова не складывались в нужные предложения, предложения не соединялись в необходимые фразы, а фразы не ложились текстом на бумагу.

Уже два месяца не могу написать ни строчки обещанного редактору нового романа. Мыслей в голове – вагон и маленькая тележка, сюжетов хоть отбавляй, но все они оставались только в моей голове, никак не материализуясь в произведение. Короче говоря, я находился в глубоком творческом кризисе, а может быть, просто не мог себя заставить сесть за стол и начать писать. Когда ложился спать, то не мог сразу заснуть, придумывая лихо закрученные сюжеты новых романов. Во сне всё получается классно: оригинальные диалоги вставали перед глазами, персонажи жили своей неповторимой жизнью, невероятные сцены разворачивались с интересной оригинальностью, как мне казалось. Однако утром всё это представлялось мне неинтересным, не заслуживающим внимания, не реальным, а просто бредом. И так происходило каждый раз: я сочинял ночью, а утром браковал всё придуманное.

...В то утро я твёрдо решил, что обязательно набросаю на листы всё, что насочинял во сне. Но, как это часто бывает,

творческий процесс или вхождение в творческий ритм нарушило дребезжание сотового телефона. Категорически ненавидя телефонные входящие мелодии, я поставил свой сотовый на вибрацию.

...Мой телефон, подпрыгивая, перемещался по столу, издавая глухие звуки: «У... У...». Правильно поёт группа «Город 312», что «вне зоны доступа мы не опознаны, вне зоны доступа мы дышим воздухом». Хотелось находиться вне зоны доступа, хоть что-то написать, и совсем не хотелось отвечать на звонки... Шестое чувство подсказывало, что это очень важный звонок. И я «тормознул» вдохновение, нажав на нужную кнопку, переключая свет на звук.

– Сергей Юрьевич, доброе утро. Это вас беспокоит корреспондент газеты «Шок» Елена Калиниченко.

– Откуда у вас мой номер?

– Извините, пришлось подсуетиться. Не кладите, пожалуйста, трубку, у меня очень важный разговор.

Фамилия корреспондентки показалась мне знакомой, поэтому я сменил гнев на милость.

– О чём, собственно, вы хотите со мной поговорить?

– Давайте встретимся, Сергей Юрьевич, я всё объясню.

– Лена, так, кажется, ваше имя? Вы сейчас абсолютно не вовремя.

– Ещё раз извините, но разговор будет о вас. Точнее, о вашей последней книге.

– О моей последней книге? А что с ней не так?

– Давайте встретимся, и вам всё станет понятно.

– Хорошо, если вы разведали номер моего телефона, то наверняка знаете и мой адрес?

– Вы правы, Сергей Юрьевич, адрес я знаю.

– Ладно, через час жду вас.

...Я два раза попил любимый напиток – кофе, три раза покурил, уныло посмотрел на пустые листы и приготовился к вынужденной встрече с журналисткой из «Шока».

...Ровно через час, минута в минуту, в дверь позвонили. Наверное, эта Елена Калиниченко стояла за дверью с секундомером и выжидала время, чтобы в нужную секунду позвонить в дверь.

Откуда она знает, что я уважаю пунктуальных людей? Посмотрим, что это за «фифа». Не доверяя журналистам, я никогда не давал интервью, и сейчас не понимал, зачем согласился поговорить с ней.

Нудный звонок опять пропел знакомую мелодию, и я пошёл открывать дверь.

...На пороге стояла весьма симпатичная женщина лет тридцати.

– Здравствуйте, Сергей Юрьевич. Извините, что отрываю вас от творческого процесса и в общем-то беспардонно вры-

ваюсь, набиваясь в гости.

– Вы Елена Калиниченко? Из «Шока»?

– Да. Если сомневаетесь, могу показать удостоверение.

– Показывать ничего не надо. Я неплохо разбираюсь в людях. Сейчас, как мне кажется, вы говорите правду; я вам верю. Проходите, пожалуйста.

– Спасибо, что согласились встретиться. Обычно я не такая настойчивая, как сейчас. Но у меня много вопросов, а ответов пока нет.

– Хорошо. Вопросы потом; а что вы будете: кофе, чай?

– Если можно, чёрный кофе с лимоном.

– Садитесь вот в это кресло. Я сварю кофе и через пару минут отвечу на все ваши вопросы, если, конечно, они не личного характера.

– Обижаете, Сергей Юрьевич. Наше издание не имеет никакого отношения к жёлтой прессе. «Шок» – серьёзная газета.

– Ладно, ладно. Охотно верю, хотя никогда не читал вашу газету. Даже в руках не держал её ни разу. Опять верю вам на слово.

...Оставив журналистку в одиночестве, я отправился на кухню варить обещанный кофе. Стоя у плиты, я мучительно вспоминал, откуда мне знакомо словосочетание: «Елена Калиниченко»? Может быть, кто-то из знакомых читал её статьи и рассказывал потом о них? А может быть,

она – однофамилица каких-то старинных, давно забытых однокурсников по университету?

...Я терялся в догадках, а кофе в очередной раз «убежал» от меня, оставив коричневые следы на плите. Вот всегда так: задумаешься на секунду, и кофе опять выиграл; как, впрочем, почти всегда. Короче, эти игры в «догонялки» надо прекращать; или кофе варить, или размышлять.

В этот миг подсознание «выдало на гора» инсайт, сформировавший ответ по поводу имени и фамилии гостя. «В рассказе „Борт 021156“ из моей последней книги, Лена – дочь главного персонажа Михаила Павловича Калиниченко».

«...Да, интересно. А может быть, у неё отчество – Михайловна?» – мелькнула в голове шальная мысль. Порезав лимон, я взял турку с «хитрым» кофе, две чашки, сахар, поставил всё это на поднос и потопал в гостиную на «допрос».

– Ваш кофе. Лимон и сахар по вкусу. У нас самообслуживание.

– Спасибо, Сергей Юрьевич. А курить здесь можно? Я прямо на глазах наглею. Даже как-то неудобно.

– Курите на здоровье. Извините за циничный каламбур. Сейчас принесу пепельницу.

Елена глотнула из чашки, глубоко затянулась и, похоже, полностью успокоилась. Клуб сигаретного дыма лениво потянулся к открытой форточке, а струйка ароматного кофей-

ного дымка устремилась прямо в нос.

Кофе, хороший кофе, с сигаретой, обязательно с хорошей сигаретой, – это, бесспорно, кайф.

Минуту мы молча пили ароматный напиток, внимательно изучая друг друга.

Первой заговорила журналистка, не выдержав затянувшейся паузы.

– Сергей Юрьевич, ваша последняя книга, сборник рассказов под общим названием «Девяносто три», вышел в печатном издании?

– Нет. Пока только на сайте «Проза.ру». А собственно, в чём дело?

Журналистка снова затянулась сигаретой, выпустила очередное облачко, глубоко вздохнула, как бы готовясь к прыжку, и выдала заранее заготовленную тираду:

– Я сама из Москвы. В «Шоке» работаю уже почти пять лет. Уехала в провинцию после окончания журфака МГУ, чтобы набраться журналистского опыта. Томск мне сразу приглянулся, работа нравится, люди здесь открытые, добрые, интеллигентные. Но речь сейчас не обо мне. В Москве у меня осталась лучшая подруга, Рита, фамилия её Блюмберг, а по отчеству мы вообще тёзки – обе Михайловны.

Так вот, моя подруга, по моему совету, прочитала в Интернете вашу последнюю книгу, и с ней начали происходить странные события. Мы созваниваемся почти каждый день,

поэтому я в курсе её жизни. Вы, Сергей Юрьевич, написали замечательную книгу. Особенно мне понравился рассказ «Экстрасенс Рита». Поэтому я и рекомендовала его прочесть своей подруге, тоже Маргарите Михайловне Блюмберг, как и у вас в книге.

Ритка – самостоятельная, смелая женщина, но после прочтения этого рассказа стала панически бояться грозы, особенно молнии. И что вы думаете? Неделю назад в её машину ударила молния. Хорошо, что она стояла на светофоре, а не ехала. В общем, Рита потеряла сознание. Очевидцы тут же вызвали «скорую». Сейчас она в больнице, в коме. Отсюда мой первый вопрос: «Как могло случиться такое невероятное совпадение?»

Я слушал, не перебивая. Курил сигарету, запивая своё удивление чашкой кофе, и пока не мог врубиться, в чём дело.

Журналистка, Елена Михайловна Калиниченко, смотрела на меня вопросительным взглядом и ждала вразумительного ответа.

Я пребывал в полной растерянности и не знал, как реагировать. Почему судьба моей героини повторилась с убийственной точностью в жизни? Как я мог предсказать чью-то судьбу, ведь таких невероятных способностей за собой никогда не замечал? Что вообще происходит?

Вопросы снежным вихрем кружились в моей голове и оседали на воспалённый мозг. Журналистка терпеливо ждала

объяснений, а я торопливо их искал.

Наконец, взяв себя в руки, я тихо ответил:

– Это чудовищное совпадение, какая-то мистическая случайность, необъяснимое явление. Почему так произошло, не понимаю.

– Сергей Юрьевич, вы не волнуйтесь; признаюсь, я первые минуты тоже была в шоке. Расскажите, пожалуйста, как к вам пришла идея написать этот рассказ, и кто такая ваша Рита Блюмберг?

– А почему вы, Елена, задаёте этот вопрос?

– Понимаете, наша редакция решила провести что-то вроде собственного расследования, именно поэтому я здесь, да и Ритка – моя подруга. Ваша героиня Рита пробыла в коме девять лет, так мне бы не хотелось, чтобы так же случилось с моей подругой. Хочу разобраться, в чём тут дело?

– Идея написать цикл рассказов на одну тему пришла ко мне, как и в общем, ко всем писателям, совершенно неожиданно, а точнее – во сне. А что касается Риты Блюмберг, то такая подруга действительно была у моей первой жены, и она на самом деле мне очень нравилась. Сюжет рассказа – полностью творческий вымысел; в реальной жизни ничего такого не происходило: ни удара молнией, ни комы, ни экстрасенсорных способностей. Я, кстати, Риту не видел уже лет двадцать и не знаю, что с ней сейчас, жива ли она. Вот, вкратце, ответ на ваш каверзный вопрос.

– В вашем рассказе, Сергей Юрьевич, у Риты есть дочь и муж Паша.

– Ну и что? Не пойму, куда вы, Лена, клоните?

– Дело в том, что у моей подруги тоже есть дочь, и бывшего мужа также зовут Павел.

– Вот это да! Полное совпадение! Невероятно?!

...В воздухе повисла пауза. Журналистка молча закурила очередную сигарету и попросила ещё спасительного кофе.

Наш разговор приобретал очень странное, но интересное содержание.

...Я безоговорочно верил в мистику, во Всевышнего, в тёмные и светлые силы, в юности зачитывался фантастикой. Но то, что поведала мне журналистка, не укладывалось у меня в голове. Бред какой-то! А главное, не понятно, у кого поехала крыша – у меня или у неё?

Однако очень хотелось понять, в чём тут дело, разобраться в происходящем вокруг меня, поэтому я не выставил Елену за порог и продолжал с ней «сотрудничать» на предмет установления истины. Снова сварив кофе, теперь уже не упустив его в бега, я сел напротив и задал свой риторический вопрос:

– И что вы дальше собираетесь делать?

– У меня созрел некоторый план, только без вас, боюсь, его не осуществить.

– Что за план? Это действительно похоже на расследование.

– Наверное, это прозвучит наивно и глупо, но я намерена найти всех Рит Блумберг возрастом около тридцати, и посмотреть, как они живут, что с ними происходит?

– Всех – это вы имеете в виду – по всей России?

– Не только в России, но и в Америке, Израиле, Австралии и Европе.

– Но ведь это задача для целой организации, типа КГБ.

– Согласна, огромный объём работы. У меня имеются кое-какие связи, знакомые, друзья по всему миру.

– А какова моя роль в вашем расследовании? Чем я-то могу помочь?

– Думаю, что у вас, Сергей Юрьевич, тоже огромные возможности. Поэтому, если вам интересно и есть желание, то тоже можете во всём этом поучаствовать.

– Ну, тогда у меня один, главный вопрос: а в чём смысл?

– Мне кажется, что можно кого-то спасти от молнии, от комы, от повторения судьбы вашей героини.

– Может быть, просто взять и уничтожить этот рассказ, убрать его из книги, удалить с сайта?

– А если они, ну, в смысле Риты, уже заходили на вашу страницу в «Прозе.ру» и прочитали все рассказы?

– Ну, тогда я не знаю. Ерунда какая-то. Вы, Лена, сами-то

верите в то, что говорите и что собираетесь делать?

– Я верю, а вы, я вижу, не очень...

– В принципе, я не против, тем более что сейчас ничего не пишется; я, в общем, бездельничаю.

– Спасибо, что выслушали меня, Сергей Юрьевич, не выставили за дверь, как ненормальную, и согласились помочь.

– А знаете, Елена, это расследование вполне тянет на целый роман.

– Вот и отлично. Значит, у нас теперь взаимовыгодное сотрудничество. Я уйду. Спасибо за прекрасный кофе. Ваша зона ответственности, если можно так выразиться, район поиска – Сибирь. Будут новости – звоните.

Проводив её до двери, я вернулся в гостиную, сел в кресло и задумался: «С чего начать?»

Открыв телефонный справочник, с удивлением обнаружил, что Баевых С. Ю. в нём – аж 25 абонентов; по фамилии Блюмберг числилось 7, но инициалы были не те, что надо.

На всякий случай я обзвонил всех Блюмбергов и выяснил, что ни у кого из них нет в семье Риты. Может быть, Блюмберг – это редкая фамилия?

Закурив сигарету, я задумался: «А что, собственно, произошло? Зачем потратил битый час, надоедая незнакомым людям по телефону с дурацкими вопросами?»

Я всего лишь пытался найти в Томске Маргариту Михайловну Блюмберг. И что? Да ничего, прямо как Мастер в поисках Маргариты... А она на балу у Сатаны.

Да, мистика это всё. И разговор с журналисткой произошёл тоже какой-то странный. Что-то здесь не так. Я пока не понимал, что именно.

Мои размышления упёрлись в тупик, но навеяли сюжет нового романа. Я взял ручку, бумагу и набросал примерный план произведения.

Вдохновившись проделанной работой, я начал писать первый параграф, да так увлёкся, что забыл про Риту, про журналистку, про обед, про всё на свете. Похоже, госпожа Муза не только находилась рядом – она уносила меня в бескрайние дали творчества, постоянно что-то нашёптывая.

Так происходило всегда: если вдохновение соизволило меня посетить, то всё остальное побоку, всё отодвигалось на второй план, в фон.

...Передо мной лежали десять страниц, исписанных мелким почерком, десять первых страниц нового романа. Начало положено, дальше будет легче.

В голове вдруг мелькнула неожиданная мысль: «Журналистка появилась очень вовремя; странный разговор с ней

дал мне импульс к творчеству».

Перечитывая только что написанный первый параграф, я вдруг понял, почему разговор с журналисткой Еленой Калиниченко показался мне тогда странным. В конце беседы она сказала, что у нас теперь взаимовыгодное сотрудничество, имея в виду мою помощь ей и её помощь мне. Тогда я не придал значения её словам, а теперь отчётливо понял, что она, без сомнения, мне помогла.

Сдвинувшись с мёртвой точки, я преодолел свой двухмесячный творческий кризис и начал хоть что-то сочинять.

...Телефон опять запрыгал по столу, возвращая меня из туманных размышлений в прозрачную реальность. Нехотя нажав на зелёную кнопку, услышал знакомый хрипловатый голос моего редактора:

– Как работа над романом, Сергей Юрьевич? Вы не забыли, что через неделю последний срок сдачи главы? Договор есть договор. Вы, уж, дорогой мой, постарайтесь.

«Вот давила, даже не поздоровался», – подумал я, а вслух произнёс:

– Здравствуйте, Самуил Соломонович, рад вас слышать. Не волнуйтесь, работа продвигается, в сроки я уложусь.

– Ну, ну... А я слышал, что вы в глубоком пике, так сказать, в глубоком, гм... творческом кризисе? – продолжал гнуть свою линию редактор.

– Ваша разведка вас жесточайшим образом обманула. Я почти закончил первую главу, вот передо мной 57 страниц убористым почерком. Осталось их причесать и... – ответил нагло я. Самуил Соломонович минуту молчал, не веря своим ушам, потом вымолвил:

– Хорошо.

И, не прощаясь, отключился.

Его можно понять; мой новый ещё не написанный роман стоял в плане выхода на следующий месяц. Выплачивая мизерные гонорары и имея с продажи книг до 90% от прибыли, издательства неплохо зарабатывали на авторах. А, если говорить не литературным языком, то издательства просто доили их, как коров.

«...Вот индюк жирный, клоп ненасытный, су... страшная», – подумал я и опять взялся за ручку. Но голова отказывалась соображать, и я понял, что вдохновение меня покинуло, а моя Муза «ушла спать» с другим.

Я долго сидел и тупо смотрел на чистый лист, напрягал все свои извилины, чтобы наконец «распоноситься». Пыжился, как детсадник на горшке, но всё оказывалось тщетно, на выходе – «бублик с дыркой».

«Надо что-то делать», – подумал я и пошёл на кухню за пивом, наивно полагая, что это моя палочка-выручалочка.

...После второй бутылки я окончательно утвердился в мысли, что сегодня уже больше ничего не напишу, и на этом угомонился. Десять страниц за день – тоже непло-

хо.

В памяти всплыл утренний разговор с журналисткой, и я решил ей позвонить. Номер её телефона до сих пор оставался в моём сотовом; надо только нажать на нужную кнопку.

Взяв телефон, нацелился уже было на нужную кнопку, но остановился и задумался: «Ну и что я ей скажу? Выдам монолог про то, что у меня улетучился утренний шок от услышанного и что история про её московскую подругу Риту – бред сивой кобылы? А если не бред?»

...Между прочим, я где-то читал, что у каждого человека по миру гуляют как минимум шесть двойников. Представляете себе, ходит сейчас по Парижу какой-нибудь Серж Бове, вылитый я, только говорит по-французски, или какой-нибудь Сержио Педро – испанец, или ещё кто-нибудь. Ну, а однофамильцев и тёзок, наверное, сотни на всём постсоветском пространстве. А вот интересно, есть ли одновременно двойники – и чтобы имя, отчество и фамилия совпадали? Наверное, есть? А сколько их было раньше, до моего рождения? А сколько ещё будет?

Да, от таких мыслей крыша точно поедет. Надо бы посмотреть на эту московскую Риту. Может быть, она действительно похожа на ту, другую Риту, в которую я когда-то был влюблён?

...Всё ещё сжимая телефон в руке, я не давил на кноп-

ку, потому что не знал, о чём говорить с журналисткой. Вместо этого взял записную книжку, всю истрёпанную и старую, нашёл в ней номер телефона одноклассницы, проживающей в Дальневосточном Биробиджане.

Логично рассудив, что евреи, оставшиеся в России после всеобщего переселения на историческую родину, должны компактно проживать в Еврейской Автономной Области, а моя Рита Блюмберг являлась чистокровной еврейкой, я позвонил.

...Гудки пошли через всю бескрайнюю Сибирь, пролетели над хмурым Байкалом, прозвенели по всему Дальнему Востоку и упёрлись в славный город Биробиджан.

– Таня, привет, это Сергей Баев из Томска. – Какой Сергей?! Я плохо слышу!

– Твой одноклассник, Серёжа Баев; ну, память у тебя девичья.

– А, привет, Серёга. Сто лет тебя не видела, наверное, с окончания школы.

– Таня, я по делу, извини, некогда окунаться в воспоминания и предаваться ностальгии. Это будет потом, когда родной Томск навестишь.

– Ладно, я поняла. А что за дело?

– Возьми, пожалуйста, телефонный справочник и найди абонента Блюмберг М. М. Если такая есть, то дай мне её номер.

– Одну минуту, Серёжа.

... Через пять минут в трубке послышалось сопение, чиханье и незабываемый Танин голос.

– Извини, простыла. Так вот, по твоему запросу сообщаю – у нас с такими инициалами аж два абонента. Записывай номера... Забыла спросить: а зачем тебе это? Что, по-другу юности разыскиваешь?

– Таня, ты почти угадала. Спасибо тебе; думаю, что увидимся ещё в этой жизни.

– Тебе спасибо, Серёжа, что помнишь о моём существовании...

Взглянув на часы, я прикинул, что в Биробиджане уже почти полночь и решил: не стоит беспокоить незнакомых людей так поздно.

На чистом листе написал все города и страны, где у меня проживали друзья и знакомые; получился весьма внушительный список. Права оказалась журналистка, к пятидесяти восьми годам у меня накопился обширный круг людей, знавших меня, и которых знал я.

«Вот завтра и займусь этой рутинной», – подумал я и вдруг ощутил вновь страстное желание вернуться к своей писанине. Очевидно, Муза, не удовлетворённая другим бумагомарателем, решила вернуться ко мне. Ну, вот и славненько!!

Быстренько усевшись за стол, я с неистовым вдохновением принялся дальше сочинять. Процесс продвигался, как по маслу, и к двенадцати ночи я накропал ещё десять страниц...

Бывает же такое: за два месяца ни строчки, а тут за один день – уже двадцать страниц. Если так и дальше пойдёт, то и я хоть что-то заработаю.

Мне очень нравилось писать под гипнозом вдохновения. Я всегда обожал присутствие Музы за спиной, но очень не нравилось, что эта дама такая непостоянная, такая взбалмошная и капризная. Чем бы её приманить, чтобы она не уходила, не изменяла мне постоянно? Два месяца простоя – это большой срок для писателя; можно стать литературным импотентом. Ладно, это всё эмоции, пора «у люлю», как говорят хохлы.

...В тёмно-серой комнате серая пыль укладывалась спать на серый шкаф, а серые будни сменились тёмной ночью, и я провалился в сон...

В полудреме изменённого состояния сознания всплывали лихо закрученные сюжеты ненаписанных романов, один лучше другого; персонажи проживали эффектные жизни, а я всё глубже засыпал, наблюдая это эксклюзивное «кино». В общем всё, как всегда. Так случилось прошлой ночью, так про-

изойдёт будущей...

Интересно, другие писаки-бумагомаратели тоже сочиняют во сне или пытаются что-то выдумать при солнечном свете?

Наверное, у каждого свой секретный план творчества. Главное, что получится в сухом остатке – шедевр или чтиво?

...Утром с трудом разлепил глаза, не хотелось даже вылезать из тёплой постели, но мои коты Чип и Дейл опять устроили запланированную потасовку, бегая по мне, как по бульвару. Так они каждое утро разминались, держа друг друга в тонусе, после чего устраивали «хор голодных кошек», требуя жрачки. «Дейл, оставь Чипа в покое», – крикнул я и запустил в него тапком. Агрессивный Дейл и ухом не повёл, подошёл к дивану и грозно пропел: «Мао». Когда он злился, то всегда выдавал «мао» вместо «мяу». Наверное, в Китае мой кот Дейл находился бы в большом почёте за свои лингвистические способности. Другой кот, Чип, никогда не слыл «террористом Помидоровым», а наоборот, демонстрировал ласку и добродушие. Я нехотя вылез из-под пушистого одеяла и первым делом принялся кормить голодных любимых кошаков. День начинался буднично, по одному и тому же сценарию, как и год, три и пять лет назад. Мне всегда нравилось утро: утреннее неяркое солнце, прозрачный утренний воздух, утренний чистый город. Впереди маячил новый день, наполненный грудой эмоций, суматохой явлений, но-

выми впечатлениями, не пережитыми ранее ощущениями. Новый день – это как целая жизнь, спрессованная в часы, в смысле – спрессованная во времени.

Распорядок ожидался тот же: ванная, кухня, рабочий стол, чистые листы и мучительное ожидание Музы, которая, наверное, ещё не проснулась.

...Слева от чистого листа дымилась чашка крепкого кофе – необходимый атрибут любого современного писателя, а справа тлела сигарета – дополнительный, но совсем не обязательный атрибут некоторых бумагомарателей.

...Декорации расставлены, реквизит выдан, персонажи готовы прожить свои роли, автор находится в зале, ждали только режиссёра, которого все пафосно величали вдохновением... Однако режиссёр задерживался, и начало творческого процесса затягивалось на неопределённое время. На какое время? К сожалению, этого не знал никто.

...Девять сигарет трансформировались в бычки, выпито три чашки кофе, ожидание достигло апогея, а вдохновение всё не появлялось; наверное, застряло в пробке.

Между прочим, в нашем маленьком Томске последнее время на дорогах появились нескончаемые пробки: машин

стало больше, а дороги не стали шире, понтов у людей стало немерено, а проценты по кредитам на дорогие машины не стали меньше, ухабов на дорогах стало больше, а денег на ремонт выделялось всё меньше и меньше. Если так будет продолжаться и дальше, то транспортную систему города неминуемо «подъеврейевает» (поджидает) дорожный коллапс.

... Чтобы не тратить драгоценное время, решил позвонить кому-нибудь из дальних (в смысле расстояния в километрах) друзей.

Тыкая пальцем по заготовленному списку, я выискивал беспроегрышный, безотказный вариант.

Выбор «безотказного» друга, желающего помочь в поисках Риты Блумберг, прервал вибрирующий, ползающий по столу телефон. Мне ужасно нравилось, когда он не звонил целый день, когда никто не доставал, и очень не нравилось, когда меня отрывали от творчества или от философских раздумий.

На панели высветился номер журналистки Елены Калиниченко, и я вынужден был ей ответить.

– Сергей Юрьевич, доброе утро.

– И вам не хворать.

– У меня появились новости: плохая и хорошая.

– Я вас внимательно слушаю, Елена.

– Плохая новость заключается в том, что за вчера и за сегодняшнее утро, подключив все свои связи, я не нашла ни одной Маргариты Блюмберг. Хорошая новость – завтра лечу в Москву, чтобы проведать подругу Риту и разузнать подробности о случившемся. У меня предложение: если у вас найдётся время и желание, то не могли бы вы полететь со мной; естественно, все расходы за счёт газеты?

– Дайте минуту подумать. Это так неожиданно, но, признаюсь, очень заманчиво.

– Думайте, только не долго; через час я перезвоню.

Она, не прощаясь, отключилась, а я в растерянности почесал затылок, закурил сигарету и размышлял, взвешивая предложение журналистки. Конечно, слетать в Москву на пару дней – весьма заманчиво. К тому же наверняка появятся новые впечатления, необходимые для работы над новым произведением.

Очень любопытно взглянуть на Риту.

Короче говоря, взвесив все «за» и «против», я решил присоединиться к журналистке. Что касается звонков моим друзьям и знакомым, то это можно сделать и после возвращения.

Елена позвонила не через час, а уже через двадцать минут.

– Сергей Юрьевич, у меня важная новость, поэтому, беспокою вас раньше срока.

– Выкладывайте вашу важную новость.

– Мне только что звонила мама Риты. Сегодня утром врачам удалось вывести мою подругу из комы. Состояние у неё удовлетворительное, но ещё две-три недели она пробудет в больнице под наблюдением.

– Отлично. Значит, с Ритой можно будет поговорить. Да, кстати, я согласен составить вам компанию.

– Нисколько не сомневалась, что вы согласитесь, поэтому забронировала два билета. Вылет завтра рано утром.

– Тогда у меня один банальный вопрос по поводу гостиницы.

– В гостинице нет необходимости. Остановитесь у моих родителей. Они будут очень рады познакомиться с писателем из Томска. К тому же у них, как и у всех пенсионеров, дефицит общения.

– Я смотрю, вы уже всё за меня продумали, решили все вопросы, предусмотрели нюансы.

– Сергей Юрьевич, работа у меня такая: проблемы решать, людей убеждать, вопросы задавать, интервью брать, материал собирать и много думать.

– Ладно, сдаюсь. Во сколько рейс?

– Первый рейс на Москву – в восемь сорок, не опаздывайте. Встретимся в аэропорту. Кстати, как ваш роман?

– Вчера два раза муза навещала, так что начало уже есть, а дальше легче будет.

– Я рада за вас. Может быть, и сегодня к вам заглянет му-

за, поэтому не буду больше вас отвлекать.

Она, опять не попрощавшись, отключилась, а я опять упёрся взглядом в чистый лист. Муза пока не стучалась в мою дверь, и я отправился варить кофе.

Стоя у плиты, вдруг подумал: «Как могла журналистка забронировать мне билет, ведь у неё нет данных моего паспорта?» Сомнительные мыслишки одолевали меня. Журналюги, они как разведчики, если надо – любую информацию добудут.

На кухню осторожно прошмыгнул Дейл и громко мяукнул, что на его языке очевидно означало: «Разиня, опять кофе проворонишь».

Взглянув на турку, я понял, что в данном случае Дейл оказался совершенно прав, ещё секунда и кофе убежал бы.

Да, кстати, надо ещё с соседской бабушкой поговорить, чтобы котов моих кормила, пока буду в отъезде.

...Когда я с чашкой кофе вернулся за свой рабочий стол, то напротив уже сидела Муза и кокетливо строила глазки.

Забыв про кофе, я схватил ручку и начал лихорадочно марать бумагу. Слова складывались в нужные предложения, предложения соединялись в необходимые фразы, а фразы ложились текстом на листы.

Для любого писателя такое состояние – минуты блаженства, счастья, я бы даже сказал, творческого экстаза...

Минуты растянулись на часы, и к вечеру рукопись пополнилась ещё двадцатью страницами. Не хотелось пить, есть, курить, а хотелось творить, сочинять, писать и писать.

С тоской посмотрев на холодный кофе, я перевёл взгляд на Музу, но она уже исчезла, не попрощавшись. Вот скверная дама, вмиг смылась к другому. Прощай, вдохновение.

...Ладно, и на том спасибо. Как там: «Курочка по зёрнышку...» Хорошо, что сотовый не прыгал по столу, а то муза обиделась бы за невнимание и ушла бы ещё раньше.

В этот момент телефон «проснулся» и запрыгал по столу. – Сергей Юрьевич, извините, это опять я. Скажите, пожалуйста, данные вашего паспорта, – скороговоркой выпалила журналистка.

Достав паспорт, я продиктовал ей данные, а сам подумал: «Нет, она не разведчица – обычная журналистка, такая же рассеянная, как и я».

...Достаю со шкафа спортивную сумку, набиваю её необходимым командировочным джентльменским набором, потом стучусь к соседской бабушке, договариваюсь насчёт котов, затем сажусь в кресло и включаю зомбоящик.

...Канал ТВ-2. Какая-то музыкальная программа. Одна из участниц ансамбля, Наталья, «поёт» дифирамбы како-

му-то Сергею, играющему на многих музыкальных инструментах. Короче, «кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку».

Наталья, закатив глазки, вещает: «Пока я пою, смотрю на Сергея и не понимаю, какой музыкальный инструмент он сейчас схватит и будет играть. Я в полном трансе, я просто испытываю полный кайф».

...Внимательно слушаю эту музыкальную хрень на уровне плохой самодеятельности и не понимаю, где здесь творчество? Если вы не смотрели эту передачу, не слушали этот «народный ансамбль», то не много потеряли, а ведь ТВ-2 – это лучший канал города Томска.

Хочется плевать от увиденного и услышанного. Давно не попадалось ничего более низкопробного.

...Сижу, тупо смотрю на экран и, как тот Сергей Юрьевич из «Нашей Раши», обсеаю всё подряд, а ведь я тоже Сергей Юрьевич, только не такой гламурный су... сын.

Прислушиваюсь к телеку: «Сибирский фольклор резко отличается от русского... Нас разделяет Урал, и мы разные... Сибирь – это другая культура, которая впитала в себя сибирскую культуру...» Бред какой-то.

...Или я совсем тупой, или из меня хотят сделать тупого? Короче, отстой полный.

...А ведь «музыканты» с умными лицами, на полном серьёзе, с раскрученного канала поют какую-то лабуду, совершенно непонятную нормальному слушателю... Наверное, я

дурак.

Дальше разглагольствует ещё один «маэстро» этого, типа фольклорного, оркестра: «Гусли – это своеобразный инструмент, который не каждый понимает. Мы – особые музыканты, мы по особому „видим“ музыку». Короче, они гении, а мы все – тупицы. быдло по-ихнему.

...Чего-то я не могу переварить такое отношение этих «гусяров» к своим слушателям. Мы для них полный ноль..? Только непонятно, чего они лезут на телевидение. Играли бы себе где-нибудь на полянке, в овражке... Или в подвале хрущёвки.

...Самое время выключить негативный телек и закурить успокаивающую, положительную сигарету.

Сто раз зарекался не смотреть вообще этот зомбящик, но чёрт попутал. Каждый раз от таких передач, от новостей, от бездарных сериалов на душе становится тошно. А не пора ли телек выкинуть?..

...На часах одиннадцать сорок. Всё, иду спать... Ставлю будильник на шесть, ложусь на свой любимый продавленный диванчик, но заснуть не могу.

Телеканал ТВ-2 окончательно испортил настроение дурацкой музыкальной передачей; сочинительство в полудреме не получается, поэтому начинаю гипнотизировать себя аутотренингом: «Я расслабляюсь и успокаиваюсь. Я расслабляюсь и успокаиваюсь. Я...». На эти мысленные команды

мозг среагировал и погрузил меня в желанный сон.

...Задрезжал будильник, Чип и Дейл начали утреннюю «разминку», и я тут же проснулся. Пережевывая бутерброд и запивая его чёрным кофе, я заказал по телефону такси.

...Через двадцать минут уже мчусь по утреннему, сонному Томску в направлении Богашёво. Немногие горожане спешат на работу, а симпатичные «наштукатуренные» горожанки в коротких юбках устало ковыляют с «работы».

...На востоке забрезжил рассвет, заливая пустынные улицы малиновым светом. Выезжаем за город и погружаемся в молоко утреннего тумана.

Справа проплыл элитный коттеджный посёлок с тёмными окнами; буржуи всё ещё спят. А слева промелькнула небольшая, забытая Богом и бизнесом деревенька; почти в каждой избе горит свет; селяне просыпаются рано.

Блеск и нищета российской провинции колет глаз, поэтому опускаю голову и пытаюсь несколько минут покомарить.

Подремать долго не получается, потому что подъезжаем к аэропорту, сверкающему всеми своими огнями, заманивающему пассажиров, встречающих и провожающих.

У входа замечаю одинокую фигуру журналистки с сигаретой во рту. «Боже мой, как она может курить в такую рань», –

подумал я и направился к ней.

– Доброе утро, Сергей Юрьевич.

– Здравствуйте, Елена. Скажите, как вы можете курить в такую рань? Меня бы точно стошнило.

– Привычка начинать день с сигареты. Утром на пустой желудок никотин лучше бьёт в голову. Мне нравится это пьянящее ощущение.

– Регистрацию объявили?

– Ещё нет. Очевидно, нас ждут.

– Ну, тогда идёмте, не будем задерживать других пассажиров, и испытывать их терпение.

...Мы молча направились к стойке номер один, прошли регистрацию, досмотр, и уселись в зале ожидания. Несмотря на раннее утро, все киоски и магазинчики уже работали, предлагая пассажирам напитки, сувениры, газеты по очень завышенным ценам, как будто территория провинциального аэропорта – это центр Москвы.

Меня всегда возмущало такое положение дел. Почему бутылка воды за 15 рублей в аэропорту стоит 120? Это какой-то узаконенный грабёж, а все молчат и платят, сопят себе в тряпочку и отдают свои кровные. А кто не желает платить, тот мучается от жажды или пьёт воду из крана в туалете. Полный беспредел.

...Объявили посадку на московский рейс, и не выпавши-

еся пассажиры потянулись к выходу номер три. Поднимаясь по трапу, я заметил на фюзеляже «Боинга 737» бортовой номер 021156, точно такой же, как в моём рассказе. Наваждение какое-то?!

Журналистка заметила тревогу в моих глазах и с улыбкой спросила:

– Что, Сергей Юрьевич, страшновато?

– Конечно, страшно. Я всегда боялся летать.

– А вы не бойтесь; снаряд в одну воронку дважды не падает.

– Вы так считаете? А я вот в этом не уверен.

– Это не я так считаю, а народная мудрость так говорит. Слава Богу, что сейчас не зима, обледенение самолёту не грозит, хотя и летом самолёты тоже падают.

– Как я погляжу, вы, Елена, такая бесстрашная.

– Смею вас заверить, Сергей Юрьевич, что я трусиха, каких вы ещё не видели.

– Ну, тогда вместе бояться будем, если вы не возражаете?

– Я не возражаю.

...Пока пилоты включали кнопки и тумблеры, проверяя системы, мы сидели рядом и болтали о разных пустяках, отвлекая друг друга от ужасных фантазий.

Лайнер вырулил на взлётную полосу и загудел всеми своими двигателями, готовый, как бегун перед стартом, сорвать-

ся с места.

Когда самолёт оторвался от земли, я перекрестился и виновато взглянул на попутчицу, не обращающую на меня внимание, бормотавшую вполголоса какую-то одной ей известную молитву.

...После того, как борт 021156 набрал высоту, я успокоился, журналистка тоже перестала трястись, и мы опять перешли на пустую болтовню ни о чём.

...За разговорами время летело быстро, да и посторонних нехороших мыслей не возникало. Через час прикатили обед, или усиленный завтрак, если судить по времени. Ещё через час предложили напитки. Стюардессы в ярко-оранжевой униформе сновали по салону, как челноки, выполняя прихоти, капризы ещё не проснувшихся, сонных пассажиров.

Мы беззаботно беседовали; самолёт между тем с каждой минутой приближался к Москве, а по салону медленно летела муха и не подозревала, что её скорость относительно земли составляет более семисот километров в час. Если бы она об этом узнала, то у неё точно крышу снесло, ведь она не знакома с теорией относительности. А если бы я знал, с какой скоростью Земля вместе с нами несётся вокруг Солнца, то у меня, может быть, точно крыша бы поехала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.